

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4 (73). С. 36–42.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 4 (73). P. 36–42.

Научная статья
УДК 94(470)19/...
doi: 10.54398/1818510X_2022_4_36

**СТАЛИНСКАЯ ДЕПОРТАЦИЯ 1944 Г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ МОЛОДЁЖИ
(СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС АНАЛИЗА)**

Жемчурова Седя Шахитовна¹, Ибрагимов Муса Муслиевич²

¹Комплексный научно-исследовательский институт имени Х. И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный, Россия

²Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М. Д. Миллионщикова, Грозный, Россия

¹sedazz@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-1436-7711>

²ibragimov95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6793-4076>

Аннотация. На основе проведённого авторами в 2021 г. социологического исследования «Депортация чеченцев (1944) в представлениях молодёжи» (Грозный, 2021 г., $n = 360$) анализируется проблема восприятия современными чеченцами депортации и её последствий. Респонденты отобраны методом снежного кома. Выборка репрезентативная, отображает генеральную совокупность по полу, возрасту, территории проживания. В опросе приняли участие респонденты в возрасте от 15 до 29 лет, идентифицирующие себя с чеченским этносом. Исследование показало, что более половины (54 %) опрошенных уверены, что не было ни одной веской причины для репрессий, это был геноцид целого народа. Каждый четвертый респондент (25 %) полагает, что высылка чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию являлась «очисткой» стратегически важной территории от «неблагонадежного» народа. Почти каждый пятый респондент (21 %) считает, что неприязнь и недоверие власти к чеченцам стали главным мотивом при принятии решения о выселении. Факторы политической, этноконфессиональной и социокультурной изоляции в период депортации в значительной степени оказали влияние на духовное состояние чеченского народа, укоренив тревожность в сознании потомков. В результате депортации у последующих поколений утвердилось ощущение цикличности этнических трагедий и исторической несправедливости по отношению к чеченскому народу.

Ключевые слова: депортация, И. В. Сталин, репатриация, чеченцы, современная молодёжь, этническая идентичность, историческая память, чеченские традиции и обычаи, духовность

Для цитирования: Жемчурова С. Ш., Ибрагимов М. М. Сталинская депортация 1944 г. в исторической памяти современной чеченской молодёжи (социологический ракурс анализа) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4 (73). С. 36–42. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_4_36.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**STALIN'S DEPORTATION OF 1944 IN THE HISTORICAL MEMORY
OF MODERN CHECHEN YOUTH (SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE OF THE ANALYSIS)**

Seda S. Zhemchuraeva¹, Musa M. Ibragimov^{1,2}

¹Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia

²Grozny State Oil Technical University named after M. D. Millionshchikov, Grozny, Russia

¹sedazz@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-1436-7711>

²ibragimov95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6793-4076>

Abstract. The article analyzes the problem of modern Chechens' perception of deportation and its consequences on the basis of a sociological study conducted by the authors in 2021 "Deportation of Chechens (1944) in the views of youth" (Grozny, 2021, $n = 360$). The respondents were selected by the snowball method. The sample is representative, displays the general population by gender, age, territory of residence. The survey was attended by respondents aged 15 to 29 years who identify themselves with the Chechen ethnic group. The study showed that more than half (54%) of respondents are sure that there was not a single good reason for repression, it was the genocide of an entire nation. Every fourth respondent (25%) believes that the expulsion of Chechens to Kazakhstan and Central Asia was a "cleansing" of strategically important territory from "unreliable" people. Almost every fifth respondent (21 %) believes that the hostility and distrust of the authorities towards Chechens became the main motive when deciding on eviction. Factors of political, ethno-confessional, socio-cultural isolation during the deportation largely influenced the spiritual state of the Chechen people, entrenching anxiety in the minds of descendants. As a result of the deportation, subsequent generations had a sense of the cyclical nature of ethnic tragedies and historical injustice towards the Chechen people.

Keywords: Deportation, Stalin, repatriation, Chechens, modern youth, ethnic identity, historical memory, Chechen traditions and customs, spirituality

For citation: Zhemchuraeva S. S., Ibragimov M. M. Stalin's deportation of 1944 in the historical memory of modern Chechen youth (sociological perspective of the analysis). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 4 (72), pp. 36–42. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_4_36.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В истории чеченского народа было много радостных событий, но незаживающей раной кровоточит в сердцах уже нескольких поколений жестокая трагедия сталинской депортации 1944 г. Как отмечают А. М. Бугаев и Ш. А. Гапуров: «В исторической памяти депортированных народов эта драма оставила неизгладимые раны. И так цепко она будет держаться в их сознании не столько потому, что были невыносимы тяжёлыми её осязаемые последствия, сколько в силу того, что она являлась вопиющим актом высшей несправедливости» [3, с. 20].

Несмотря на то, что проблема политических репрессий и, в частности, массовых депортаций довольно интенсивно обсуждается историками, юристами, политологами, психологами, многие её проявления остаются до сих пор недостаточно изученными. К таковой относятся и проблема отражения акта депортации в сознании современной чеченской молодёжи и её влияния на формирование самосознания чеченского этноса. Анализируя причины возникновения кризиса в Чеченской Республике в конце XX в., многие исследователи справедливо отмечают, что одним из побудительных мотивов конфликта между федеральным центром и регионом явился именно «синдром депортации». Суть этого явления точно подметил А. Авторханов, заявив, что «...дети и внуки подвергшихся сталинской депортации вспомнили все их бед и унижения, предъявив власть придерживающим соответствующий счёт» [15].

Одним из первых к теме депортации обратился Абдурахман Авторханов. Опираясь на сведения очевидцев и доступные ему публикации, он описал беспрецедентный акт геноцида чеченского и ингушского народов. Он привёл шокирующие факты преступлений сотрудников НКВД против стариков, женщин, детей: массовые расстрелы, мор от голода, холода и болезней во время пути и по прибытию в Среднюю Азию и Казахстан [1].

Значительным вкладом в разработку проблемы депортации явились исследования профессора Н. Ф. Бугая, которые опирались на солидную источниковую базу [4; 5]. Проблему массовых репрессий в отношении целых народов и роль И. В. Сталина и его соратников в их проведении анализирует в своих работах А. И. Козлов [14].

На основе большого фактического материала, архивных источников и воспоминаний бывших спецпереселенцев проблема депортации чеченцев в 1944 г. детально рассмотрена в работе Мусы М. Ибрагимова [12]. Внимание в монографии уделено борьбе за выживание и сохранение чеченцами своей этнической и религиозной идентичности. Здесь же проанализированы публикации и труды других авторов по изучаемой проблеме.

Особый интерес в рамках нашего исследования представляет работа калмыцких социологов, в которой рассмотрены различные аспекты восприятия депортации калмыков современниками [16].

Однако на сегодняшний день социологических исследований, связанных с изучением восприятия факта депортации и её последствий представителями молодого поколения чеченцев, нам не известны. Этим и обусловлен выбор темы, предмета и объекта данного исследования.

Объектом исследования является факт поголовной депортации чеченцев в 1944 г. в Казахстан и Среднюю Азию.

Предмет исследования – депортация чеченцев в 1944 г. в восприятии и представлениях молодёжи Чеченской Республики.

Целью исследования является изучение восприятия современными чеченцами депортации 1944 г. в ракурсе социологического анализа.

Теоретико-методологическая основа исследования состоит, прежде всего, из общенаучных принципов и методов исследования: принцип системности, историзма, а также структурно-функциональный принцип анализа. В теоретическом плане исследование основывается на идеях и концепциях классиков западной социологической мысли: теория идеальных типов и «понимающая» социология М. Вебера, структурный функционализм Э. Дюркгейма, концепция социокультурной динамики П. Сорокина [25]; социологических теориях отечественных классиков: исторические взгляды В. Соловьёва, теория преемственности и дополнительности Н. Бердяева [2; 24, с. 311–339]; на трудах отечественных исследователей (Н. Ф. Бугая, А. М. Гонова, Мусы М. Ибрагимова [4; 12] и других учёных), посвящённых общетеоретической разработке подходов к изучению депортации чеченского народа. Социолого-статистический анализ по проблеме насильственного переселения народов одним из первых в стране представил В. Н. Земсков [11]. Проблеме репатриационного потенциала крымских татар посвящено социологическое исследование Э. А. Паина [20], в котором показано, что наиболее значимый мотив, определяющий миграционную мобильность этого этноса, – ценностные ориентации, причём в основном социально-культурные.

В качестве эмпирической базы работы выступают анализ статистических данных, результаты эмпирических социологических исследований авторов, проведённых по репрезентативной выборке: «Миллениалы на фоне предшествующих поколений чеченцев» (Грозный, 2020 г., $n = 464$), «Депортация чеченцев (1944) в представлениях молодых поколений (социологический ракурс анализа)» (Грозный, 2021 г., $n = 360$) и других прикладных исследований, выполненных авторами в разные годы [8; 9].

Основная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что депортация народа в 1944 г. воспринимается потомками как:

- геноцид чеченского народа, повлёкший резкое сокращение численности этноса до критических значений;
- в социокультурном развитии чеченский этнос был отброшен на десятки лет назад, понес колоссальные потери в материальной и духовной культуре, а также испытал неимоверные трудности, связанные с сохранением родного языка и этноконфессиональной идентичности;
- факторы политической, этноконфессиональной, социокультурной изоляции в период депортации в значительной степени оказали влияние на духовное состояние чеченского народа, укоренив тревожность в сознании потомков. В результате депортации у последующих поколений утвердилось ощущение цикличности этнических трагедий и исторической несправедливости по отношению к чеченскому народу;
- жизнь чеченцев в качестве спецпереселенцев характеризуется наивысшей степенью консолидации чеченского этноса на протяжении всех лет пребывания в депортации, стремление вернуться на родину предков (Даймох) являлось общей целью, мечтой. Вследствие этого во время депортации по настоящее время отношение к Земле предков у чеченцев глубоко сакрально.

Основная часть

Ежегодно 23 февраля чеченский народ вспоминает о чудовищной трагедии, произошедшей в 1944 г., вписанной «кровавыми буквами» в историю этноса. В 2024 г. ожидается «печальный юбилей» – 80-летие поголовной депортации чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию. Тема депортации остаётся интересной для исследователей и сегодня, спустя много лет с той страшной даты.

В 2021 г. авторами был проведён опрос «Депортация чеченцев (1944) в представлениях молодёжи» (Грозный, 2021 г., $n = 360$) среди жителей региона с целью изучения восприятия современными чеченцами депортации и её последствий в ракурсе социологического анализа. Респонденты отобраны методом снежного кома. Выборка репрезентативная, отображает генеральную совокупность по полу, возрасту, территории проживания [26]. В опросе приняли участие респонденты в возрасте от 15 до 29 лет, идентифицирующие себя с чеченским этносом. Выборка рассчитана пропорционально, где намеренно большую часть респондентов (15–24 лет, 244 чел.) представляют центиналы (поколение Z), рождённые в 2001 г. и позднее, выросшие в 2016 г. и позднее. Треть опрошенных (116 чел.) – представители поколения миллениалов (поколение Y) [9, с. 472–478].

Сама идея проведения данного исследования возникла случайно. В ходе реализации научно-исследовательских социологических проектов авторами в разные годы, начиная с 2011 г. [13; 17], обнаружилась необходимость глубокого анализа темы депортации чеченцев в восприятии потомков жертв тех репрессий. Исследуя идентичность чеченцев, её структуру, многогранность, иерархию её маркеров, именно депортация чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию в 1944 г. красной нитью проходит через все исследования и отчётливо позиционируется чеченцами как своеобразное эмоциональное ядро исторической памяти (что, в свою очередь, являет собой мощный этноконсолидирующий фактор идентичности). Вследствие чего и было принято решение о проведении социологической диагностики восприятия потомками факта депортации чеченцев в 1944 г., их отношения к тем трагическим событиям.

Принципиально значимым в проводимом исследовании было выявление степени интереса молодёжи к событиям депортации 1944 г. В связи с чем сформулирован соответствующий вопрос. Распределение ответов демонстрирует внимательное отношение к обозначенным событиям. Так, абсолютное большинство опрошенных (83 %) однозначно проявляют интерес к трагедии этноса. Считают, что иные события новейшей истории более интересны 7 % респондентов. Стараясь не вспоминать о величайшем бедствии чеченского народа 7 %, т. к. прошлые обиды мешают жить. Затруднились ответить 3 % молодых людей.

Несмотря на то, что значительной части опрошенных безынтересна этническая катастрофа 1944 г., почти для каждого шестого респондента она не привлекает особенного внимания (с разными формулировками) среди череды трагедий, произошедших в XXI в. с чеченским этносом. Думается, что для подрастающих поколений чеченцев необходимо на постоянной основе проводить мероприятия, акцентированные на историческом и социокультурном значении горестного факта истории этноса.

График 1 – Степень интереса молодёжи к событиям депортации 1944 г. (% от числа респондентов)

Каким образом фиксируется в сознании респондентов понятие «депортация», мы попытались выяснить с помощью конкретного вопроса. Известно, что в научной литературе используется определение «депортации» как высылки из мест постоянного проживания лиц или целых народов, признанных властью социально опасными [21]. В настоящее время понятие «депортация» связывают также с миграционной политикой разных стран. В таком ракурсе понятие «депортация», как правило, используется в значении «выдворение из страны граждан иного государства на их родину в связи с различного рода нарушениями». Факты подобных депортаций многочисленны и актуальны в странах Европы, в том числе в отношении мигрировавших чеченцев в ходе военных кампаний и в послевоенный период.

Анализ полученных данных позволяет увидеть, что в представлениях подавляющего числа опрошенных депортация связывается с геноцидом (64 %). В качестве другого определения почти треть респондентов считает депортацию высылкой из мест постоянного проживания лиц или целых народов, признанных властью социально опасными (26 %). Лишь 10 % опрошенных обозначили депортацию как выдворение из страны граждан иного государства на их родину в связи с различного рода нарушениями.

Таблица 2. Депортация в представлениях респондентов (% от числа респондентов)

Депортация – это...	%
высылка из мест постоянного проживания лиц или целых народов, признанных властью социально опасными	26
истребление отдельных этнических групп или целого народа по расовым или религиозным мотивам	64
выдворение из страны граждан иного государства на их родину в связи с различного рода нарушениями	10
Всего	100

Проведенный корреляционный анализ влияния половозрастных характеристик опрошенных на определение ими депортации показал, что геноцидом депортацию представляют чаще девушки в возрасте 25–29 лет (68 %). Именно этот пласт респондентов оказался наиболее эмоционально восприимчивым к масштабным потрясениям, произошедшим с чеченским народом в 1944 г. Можно предположить, что подобное острое восприятие чудовищного акта жестокости по отношению к депортируемым связано для указанной части респондентов, в том числе со свежими впечатлениями от произошедших на рубеже веков двух военных кампаний в регионе.

В ходе выполнения проекта было необходимо установить главные каналы, посредством которых сегодня информация о депортации чеченцев в 1944 г.?, – 29 % молодых людей отметили, что осведомлены о случившемся из исторических передач телевидения, радио; каждый четвертый респондент (25 %) узнал о событиях 1944 г. от образовательных учреждений и сети Интернет. От бабушек, дедушек, старших родственников информированы о трагедии 18 % опрошенных; сослались на прочитанные книги, газеты, художественные и документальные фильмы по тематике вынужденного переселения 18 % респондентов; не акцентируют внимания на проблеме высылки народа 7 % опрошенных, затруднились ответить 4 % молодых людей.

График 2 – Источники информации о депортации чеченцев (% от числа респондентов)

Чрезвычайный интерес в исследовании различных граней проблемы депортации чеченцев в 1944 г. представляет выявление мнения молодёжи о причинах случившегося. В этой связи был сформулирован и задан соответствующий вопрос. Выяснилось, что 54 % респондентов уверены, что не было ни одной веской причины для репрессий, это был геноцид целого народа. Четверть опрошенных (25 %) полагает, что высылка чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию явилась «очисткой» стратегически важной территории от «неблагонадежного» народа. Почти каждый пятый респондент (21 %) считает, что неприязнь и недоверие власти к чеченцам стали главным мотивом при принятии решения о выселении. Анализ ответов подтверждает, что молодёжь не представляет причин для акта депортации и считает высылку людей с применением насилия с исконных территорий проживания в неизвестность – геноцидом целого народа. Примечательно, что некоторые варианты ответов, а именно: наказание за повстанческие движения, бандитизм, пособничество фашистской Германии, – в совокупности не выбрали даже 1 % всех опрошенных.

Можно согласиться с тем, что в определённой степени все вышеназванные обстоятельства сыграли свою роль при принятии Сталиным и его окружением решения о выселении того или другого народа. Но главной причиной депортации народов, как отмечает значительное число исследователей, является сама природа советского тоталитарного режима, его преступной человеконенавистнической природы [18, с. 407].

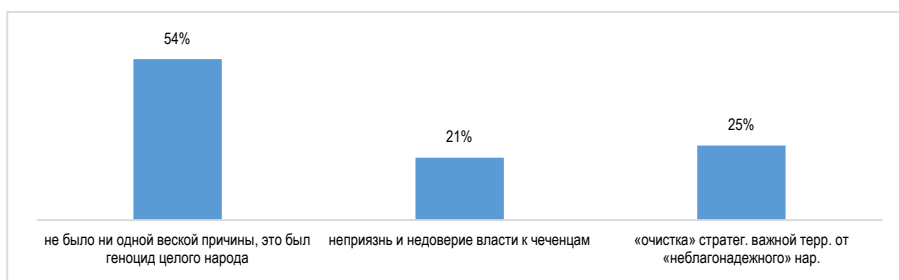

График 3 – Мнение респондентов о причинах депортации (% от числа опрошенных)

Исключительный интерес в ходе реализации проекта представлял ассоциативный ряд, связанный с воспоминаниями о депортации. В анкету был включён вопрос: «О чём Вы вспоминаете прежде всего, когда думаете о депортации чеченского народа (1944)?» Почти для каждого третьего респондента депортация визуализируется в виде голодных смертей по дороге и непосредственно в ссылке (35%), для каждого четвёртого респондента (26%) в виде искалеченных судеб тысяч людей, для 14% опрошенных – это, прежде всего, людские и материальные потери, потерянное имущество чеченцев – для 11%, тяжелейшие условия для выживания – для 10% респондентов, упразднение ЧИАССР – для 3% молодёжи. Распределение ответов демонстрирует отношение респондентов в значительной степени к ценности человека, его судьбе, смерти, где материальное является второстепенным и не воспринимается на фоне масштабного бедствия чеченского народа в процессе депортации и во время пребывания в ссылке как нечто, заслуживающее внимания.

В. Ю. Гадаев считает, что известные события, произошедшие в нашей стране в конце XX столетия, и приведшие к смене формации и устоявшегося жизненного уклада, способствовали разрушению традиционного мировоззрения и психологии чеченцев, в связи с чем «...духовные ценности, составляющие стержневую основу традиционной нравственной опоры этноса, начали размываться, и на их месте стали утверждаться капиталистические “святыни”: алчность, лицемерие, корысть, материальный интерес и т. д.» [7, с. 16–17]. Вместе с тем, из полученных в ходе опроса данных обнаруживается, что период депортации для молодых респондентов – время преобладания духовных ценностей над материальными. Очевидно, что подобное восприятие не утвердилось в сознании молодёжи пассивно, само по себе. Определение явного приоритета духовного над материальным, исторически являвшегося нормой для чеченцев, транслированы из источников потребления информации о событиях депортации.

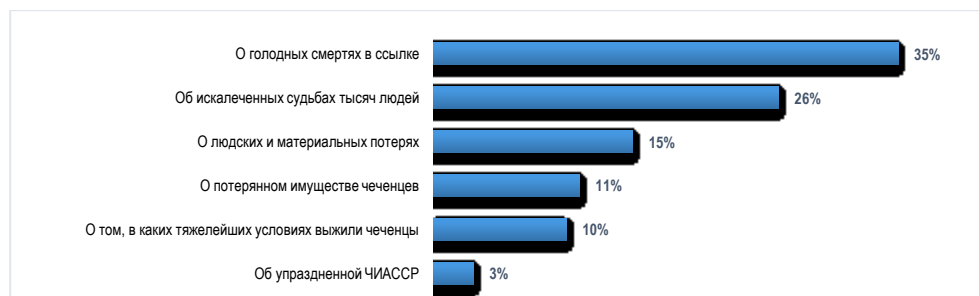

График 4 – Сформировавшиеся образы депортации чеченцев в 1944 г. (% от числа опрошенных)

С целью верификации выдвинутой гипотезы о влиянии депортации чеченцев на духовное состояние потомков жертв репрессий был задан вопрос: «Какие чувства преобладают у Вас в связи с депортацией чеченцев (1944)?» Существенная доля респондентов чувствует обиду от жестокости власти и беспомощности жертв репрессий (36%) и горечь за понесённые жертвы (31%). Страх повторения подобного сценария испытывают 11% опрошенных. Гордятся тем, с каким достоинством чеченский народ прошел тяжёлое испытание (8%), жадну возмездия виновным в этом преступлении и унижение от одного воспоминания о процессе переселения выразили по 7% респондентов, соответственно.

З. Сикевич согласно результатов социологического исследования пишет: «...центральное место в советской истории для чеченцев занимает депортация и последующая реабилитация чеченского народа. Чувство гордости вызывает стойкость и уважение к старшим, сохранившиеся в изгнании. Противоположные эмоции возникают у респондентов в связи с обвинениями чеченцев в предательстве, “издевательствами” над ними, с клеветой на “наш народ”. Некоторые участники опроса считают, что в этот период произошла “потеря национальной гордости” и “деградация» [23].

Отметим, что по результатам конкретных исследований, проведённых по репрезентативным выборкам на территории региона в период с 2011 по 2021 г., подобных высказываний респондентов не выявлено. Иными словами, нами ни разу не зафиксированы утверждения о «потере национальной гордости» и «деградации» чеченцев в период пребывания в ссылке. Напротив, учёными в различных источниках подчёркивается выраженное проявление переселенцами таких моральных качеств, как стойкость духа, невероятная сплочённость, взаимопомощь и иные в высшей степени положительные характеристики чеченцев во время выселения и в период проживания в местах поселения [12].

Осведомлённость респондентов о конкретных страшнейших фактах убийств, произошедших в процессе переселения, является одной из граней восприятия депортации чеченцев в 1944 г.

В силу большого снегопада и бездорожья в горных аулах Галанчожского района вывезти людей в указанные сроки, как подчёркивает исследователь В. П. Сидоренко, было крайне сложно. Дополнительные войсковые подразделения и запланированные 635 автомобилей так и не смогли прибыть в эти аулы, а имеющимися автомашинами и 52 повозками вывезти людей оттуда было невозможно [22, с. 69]. По свидетельствам современников, больные, старики, беременные женщины – все, кто не был в состоянии быстро передвигаться в условиях зимних гор, загонялись в кошары и заживо сжигались. 27 февраля 1944 г. в с. Хайбах были расстреляны и сожжены заживо около 700 человек из нескольких селений и хуторов Галанчожского района. В Чеберловском районе людей

топили в оз. Кезеной-Ам, в с. Урус-Мартан больных людей, находившихся в районной больнице, расстреляли и закопали во дворе больницы. В Итум-Калинском районе дома с больными людьми забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. В Малхисте людей расстреливали в пещерах, в Ножай-Юртовском районе засовывали в кукурузные сапетки и, облив бензином, поджигали [10].

В ходе опроса был задан вопрос: «Известно ли Вам о трагедии в с. Хайбах Галанчожского района?» Большинство респондентов ответили, что знают о трагедии (86 %), ничего об этом не знают 6 % опрошенных, затруднились ответить 8 % молодых людей.

С целью реализации одной из задач исследования в опросник был включён вопрос: «Какие факторы, по Вашему мнению, сыграли главную роль в возвращении чеченцев на родину?», – предлагающий один вариант ответа. Анализ полученных данных показал, что третья часть респондентов считает ключевым фактором изменения и борьбу за власть в руководстве СССР (32 %). Ещё треть опрошенных существенную роль в принятии решения о возвращении чеченцев на родину отводит всем предложенным факторам (30 %). Антисоветскую деятельность и выступления переселенцев как главный фактор определили 23 % респондентов.

Среди наиболее значимых характеристик, присущих жизни чеченцев в условиях «спецпоселения» респонденты назвали стойкость, сохранение чести и достоинства (40 %), почти в равной степени сплочённость (22 %) и верность традициям (21 %), агрессивность и законопослушание (по 3 %). Затруднились ответить почти 11 % опрошенных. Отрадно, что респондентами отчётливо воспринимаются проявившиеся особенности этнической идентичности чеченцев в суровых условиях выживания на чужбине. Доля затруднившихся ответить среди респондентов указывает на необходимость восполнения пробелов, связанных с отсутствием знаний у молодёжи о специфике внутри этнических отношений спецпереселенцев в период пребывания в Казахстане и Средней Азии.

Намерение авторов в рамках проекта проанализировать восприятие и представления о выживших в депортации чеченцах их потомками привело к следующим показателям. Поколение чеченцев, выживших в период сталинской депортации, респонденты считают носителями уникальной исторической памяти (39 %). Также ими было отмечено, что благодаря этим людям чеченцы существуют как этнос (29 %) и что воспоминания каждого живущего в современности переселенца надо увековечить как бесценные свидетельства геноцида (22 %). Назвали переживших депортацию героями, победителями 3 % опрошенных, обычными людьми – 3 % респондентов. В ответах респондентов, на наш взгляд, читается глубокое почтение к выжившим, граничащее со состраданием к жертвам сталинской депортации.

Депортация чеченцев в 1944 г., как известно, была поголовной и коснулась каждой чеченской семьи. Вместе с тем, с учётом возраста респондентов, мы попросили участников опроса ответить на вопрос: «Есть ли в вашей семье непосредственно подвергшиеся депортации?» Отрицательно ответили 68 % опрошенных, положительно – 32 %. Полученное распределение ответов объяснимо. Живущих в настоящее время чеченцев, лично испытавших на себе тяготы и лишения, потери родных и прочие невзгоды, осталось крайне незначительное количество. Даже среди тех 32 %, вероятно всего, есть люди, появившиеся на свет в годы ссылки в Казахстане и Средней Азии. Тем ценнее повествования депортированных чеченцев об истории собственной семьи.

С целью верифицировать гипотезу о том, что факторы политической, этноконфессиональной, социокультурной изоляции в период депортации в значительной степени оказали влияние на духовное состояние чеченского народа, укоренив тревожность в сознании потомков, в анкету был включен соответствующий вопрос.

Значительное число респондентов (69 %) признались, что депортация негативно сказалась на формировании взглядов на жизнь: передались обида, страх и тревожность за свою жизнь и жизнь своих близких. Почти каждый пятый респондент (18 %) полагает, что депортация чеченцев в 1944 г. наложила отпечаток на их понимание важности и ценности своей жизни и жизни своих близких. Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что факторы политической, этноконфессиональной, социокультурной изоляции в период депортации в значительной степени оказали влияние на духовное состояние чеченского народа, укоренив тревожность в сознании потомков. В результате депортации чеченцев в 1944 г. и двух военных кампаний на рубеже веков у последующих поколений утвердилось ощущение цикличности этнических трагедий и исторической несправедливости по отношению к чеченскому народу.

В рамках дополнительного корреляционного анализа обнаружено влияние пола и возраста на выбранный респондентами источник информации. Юноши в возрасте 15–19 лет чаще получали информацию о событиях депортации из сети Интернет, уроков истории в школе и внеклассных мероприятий в образовательных учреждениях (49 %); из историй бабушек, дедушек, старших родственников узнали о насильственной акции переселения 44 % девушек в возрасте 25–29 лет. Как видно, существует связь между возрастом и полом респондентов и каналом трансляции сведений о пережитой этносом катастрофе. Представители поколения миллениалов (25–29 лет) являются носителями живой исторической памяти депортированных, полученной в процессе вербальных взаимодействий. В семьях самой молодой группы (15–19 лет) в силу возраста, возможно, не осталось живых свидетелей трагедии, в то время как более старшие респонденты успели почерпнуть сведения, в том числе от непосредственных очевидцев акта выселения. Известно, что историческая память является одним из ключевых этноконсолидирующих факторов идентичности. В этой связи обнаруживается значимость межпоколенных устных коммуникаций представителей разных поколений в семье и в обществе. Иными словами, ещё раз подтверждается потребность в межпоколенной интеграции в чеченском обществе в контексте преемственности и традиционности. От интенсивности межпоколенных отношений напрямую, на наш взгляд, зависит сохранение этнической идентичности будущих поколений чеченцев [8].

Выявлены корреляции: обиду от жестокости власти и беспомощности жертв репрессий более других чувствует девушки (56 %) в возрасте 20–24 лет. Страх повторения подобного сценария испытывают чаще других респонденты, имеющие детей (68 %). Нам представляется, что в сознании 20–24-летних девушек наиболее отчётливо фокусируется жестокость по отношению к жертвам репрессий 1944 г. в связи с произошедшими событиями в Чечне на рубеже веков. Вероятно, представители двух других возрастных групп менее остро воспринимают произошедшее, т. к. 15–19-летние респонденты не застали военные кампании на территории региона, а 25–29-летние чеченцы в большей степени вовлечены в организацию своей жизни в плане трудоустройства, построения карьеры, создания и материального содержания семьи и прочего, что чувства обиды и горечи, связанные с депортацией, либо притупились, либо осознаются не в полной мере.

Выводы

Обобщенные результаты социологического исследования позволяют сделать основные выводы:

1. Абсолютное большинство опрошенных чеченцев (83 %) однозначно проявляют интерес к трагедии этноса 1944 г. Почти каждый шестой респондент не считает факт депортации заслуживающим особого внимания. Обнаружена необходимость проведения на постоянной основе учебно-образовательных, познавательных мероприятий среди молодёжи, сосредоточенных на исключительном историческом и социокультурном значении скорбного факта истории чеченского этноса.

2. В представлениях подавляющего числа опрошенных депортация связывается с геноцидом (64 %). Проведённый корреляционный анализ влияния половозрастных характеристик опрошенных на определение ими депортации показал, что геноцидом депортацию представляют чаще женщины в возрасте 25–29 лет (68 %). Именно этот пласт респондентов оказался наиболее эмоционально восприимчивым к масштабным потрясениям, произошедшим с чеченским этносом в 1944 г.

3. Более половины (54 %) опрошенных уверены, что не было ни одной веской причины для репрессий, это был геноцид целого народа. Каждый четвёртый респондент (25 %) полагает, что высылка чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию явилась «очисткой» стратегически важной территории от «неблагонадежного» народа. Почти каждый пятый респондент (21 %) считает, что неприязнь и недоверие власти к чеченцам стали главным мотивом при принятии решения о выселении. Опрошенные представители трёх возрастных групп не представляют причин для акта депортации и назвали насильственную депортацию чеченцев с исконных территорий проживания геноцидом целого народа.

4. Популярными характеристиками чеченцев в условиях «спецпоселения» респонденты считают стойкость, сохранение чести и достоинства (40 %), почти в равной степени сплочённость (22 %) и верность традициям (21 %). Специфика их отношений, образцы стойкости, сохранения чести и достоинства должны стать своеобразным «маяком» для подрастающих поколений. Понятно, что современные реалии требуют иных подходов в учебно-воспитательной работе с молодёжью. Вместе с тем, перечисленные моральные

качества исторически являлись маркерами идентичности чеченцев, а в условиях депортации (1944–1957 гг.) проявились особенно выразительно.

5. Подтвердилась выдвинутая научная гипотеза о том, что депортация чеченцев в 1944 г. воспринимается потомками как:
  - геноцид чеченского народа, повлекший резкое сокращение численности этноса до критических значений;
  - в социокультурном развитии чеченский этнос был отброшен на десятки лет назад, понеся колоссальные потери в материальной и духовной культуре, а также испытав неимоверные трудности, связанные с сохранением родного языка и этноконфессиональной идентичности;
  - факторы политической, этноконфессиональной, социокультурной изоляции в период депортации в значительной степени оказали влияние на духовное состояние чеченского народа, укоренив тревожность в сознании потомков. В результате депортации у последующих поколений утвердилось ощущение цикличности этнических трагедий и исторической несправедливости по отношению к чеченскому народу.
6. Учитывая интенсивное распространение и популярность социальных сетей, в большей степени среди молодежи, считаем возможным использование этого инструмента в целях продвижения темы депортации чеченцев в социальных сетях. Речь не идет о неременном абсолютном акцентировании внимания на историческом прошлом, как раз наоборот, имеется в виду осознанное отношение к трагедии, осмысление произошедшего и извлечение соответствующих уроков (особенно в контексте сохранения социокультурной, этноконфессиональной, социолингвистической идентичности переселенцев) в условиях глобализации. Ученые, общественность и все заинтересованные лица могут способствовать тому, чтобы трагическая страница истории этноса не была предана забвению.

Список литературы

1. Авторханов, А. Г. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР / А. Г. Авторханов. – Москва : Вся Москва, 1991. – 123 с.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа: [Сборник] / Н. А. Бердяев. – Москва : Республика, 1994. – 479 с.
3. Бугаев, А. М., Гапуров, Ш. А. Сталинская депортация народов: проблемы историографии / А. М. Бугаев, Ш. А. Гапуров // Репрессированные народы: история и современность : мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). – Элиста : КИГИ РАН, 2013. – Ч. 1. – С. 20–24.
4. Бугай, Н. Л. Кавказ: Народы в эшелонах (20–60-е гг.) / Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – Москва : Инсан, 1998. – 363 с.
5. Бугай, Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов / Н. Ф. Бугай // Вопросы истории. – 1990 – № 7. – С. 32–44.
6. Гаев, С. Д. Хайбах: следствие продолжается... / С. Д. Гаев, М. С. Хадисов, Т. Х. Чагаева. – Грозный : Книга, 1994. – 352 с.
7. Гадаев, В. Ю. Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития / В. Ю. Гадаев. – Грозный : ЧГПИ, 2011. – 344 с.
8. Жемчурова, С. Ш. Чеченский этнос: потребность в межпоколенной интеграции / С. Ш. Жемчурова // Семья в современном мире: XI социологические чтения памяти В. Б. Голофаства : мат-лы Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28–31 марта 2019 г.) / Социологический институт РАН – филиал ФНИЦ РАН. – Санкт-Петербург : Реноме, 2019. – С. 121–126.
9. Жемчурова, С. Ш. К вопросу о роли поколений в трансформирующемся чеченском обществе / С. Ш. Жемчурова, Э. М. Ибрагимова // Социологическое образование и профессиональные траектории : мат-лы Всерос. науч. конф. XV Ковалевские чтения, 25–27 ноября 2021 г. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2021. – С. 472–478.
10. Живая память: О жертвах сталинских репрессий / авт.-сост. Д. Хожаев. – Грозный : Книга, 1991. – 88 с.
11. Земсков, В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) / В. Н. Земсков // Социологические исследования. – 1990. – № 11. – С. 3–17.
12. Ибрагимов, Муса М. Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. (1944–1963 гг.). / Муса М. Ибрагимов. – Грозный : Грозненский рабочий, 2015. – 272 с.
13. Ибрагимов, Муса М. Особенности проявления толерантного сознания и поведения студенческой молодежи Чечни в процессе межличностных отношений / Муса М. Ибрагимов, С. Ш. Жемчурова, Э. М. Ибрагимова // Теории и проблемы политических исследований. – 2017. – Т. 6, № 4А. – С. 214–224.
14. Козлов, А. И. Сталин: Борьба за власть / А. И. Козлов. – Ростов-на-Дону : Ростовский ун-т, 1991. – 412 с.
15. Комсомольское племя. – 1990. – 31 мая.
16. Лиджи-Горяева, С. Э. Население Республики о депортации калмыков 1943–1956 гг. / С. Э. Лиджи-Горяева, Б. А. Оконов и др. // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – 2013. – № 2 (27). – С. 33–48.
17. Манкиев, А. А. Чеченский тайп в историческом прошлом и сознании современной студенческой молодежи / А. А. Манкиев, М. М. Ибрагимов, С. Ш. Жемчурова // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2013. – № 3 (20). – С. 98–104.
18. Манкиев, А. А. Депортация чеченского народа в 1944 году: преступление сталинского режима / А. А. Манкиев // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : мат-лы Всерос. науч.-практич. конф., посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Грозный : АНЧР, 2010. – С. 404–414.
19. Некрич, А. Наказанные народы / А. Некрич. – Нью-Йорк : Хроника, 1978. – 173 с.
20. Паин, Э. А. Возвращение (о репатриации депортированных народов) / Э. А. Паин // Социологические исследования. – 1990. – № 12. – С. 59–66.
21. Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3 т. – Москва : ВЛАДОС : Филол. фак. СПб гос. ун-та, 2002.
22. Сидоренко, В. П. «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД» / В. П. Сидоренко // Исторический архив. – 2000. – № 3. – С. 66–81.
23. Сикевич, З. Этническая идентичность русских и чеченцев в контексте исторической памяти (Сравнительный анализ) / З. Сикевич // Власть. – 2017. – № 2. – С. 122–129.
24. Соловьев, В. С. Русская идея // Россия глазами русского : Чаадаев, Леонтьев, Соловьев : [сб.] / Рос. акад. наук ; [сост. А. Ф. Замалеев и др.]. – Санкт-Петербург : Наука : С.-Петербург. отд-ние, 1991. – 363 с.
25. Сорокин, П. А. Социокультурная динамика. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / П. А. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с.
26. URL: <https://chechenstat.gks.ru/folder/38713> (дата обращения: 15.03.2021).

References

1. Avtorhanov, A. G. *Ubiystvo checheno-ingushskogo naroda: Narodubiystvo v SSSR* [The murder of the Chechen-Ingush people: National murder in the USSR]. Moscow: Vsyaya Moskva; 1991, 123 p.
2. Berdyayev, N. A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the free spirit]. Moscow: Respublika; 1994, 479 p.
3. Bugaev, A. M., Gapurov, Sh. A. *Stalinskaya deportatsiya narodov: problemy istoriografii* [Stalin's deportation of peoples: problems of historiography]. *Repressirovannyye narody: istoriya i sovremennost* [Repressed peoples: history and modernity]. Elista: KIGI RAS; 2013, part 1, pp. 20–24.
4. Bugay, N. L., Gonov, A. M. *Kavkaz: Narody v eshelonakh (20–60-e gg.)* [Caucasus: Peoples in echelons (20–60s)]. Moscow: Insan; 1998, 363 p.
5. Bugay, N. F. *Pravda o deportatsii chechenskogo i ingushskogo narodov* [The truth about the deportation of the Chechen and Ingush peoples]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1990, no. 7, pp. 32–44.
6. Gaev, S. D., Khadiso, M. S., Chagaeva, T. Kh. *Khaybakh: sledstvie prodolzhaetsya...* [Khaybakh: the investigation continues...]. Grozny: Kniga; 1994, 352 p.

7. Gadaev, V. Yu. *Molodoe pokolenie Chechenskoj Respubliki: problemy dukhovnogo razvitiya* [The young generation of the Chechen Republic: problems of spiritual development]. Grozny: ChGPI; 2011, 344 p.
8. Zhemchuraeva, S. Sh. Chechenskiy etnos: potrebnost v mezhpokolennoj integratsii [Chechen ethnos: the need for intergenerational integration]. *Semya v sovremennom mire: XI sociologicheskie chteniya pamyati V. B. Golofasta* [The family in the modern world: XI Sociological readings in memory of V. B. Golofast]. St. Petersburg: Sociology Institut RAS, SPb. "Renome", 2019, pp.121–126.
9. Zhemchuraeva, S. Sh., Ibragimova, E. M. K voprosu o roli pokoleniy v transformiruyushchemsya chechenskom obshchestve [On the role of generations in the transforming Chechen society]. *Sociolog: obrazovanie i professionalnye traektorii* [Sociologist: education and professional trajectories]. St. Petersburg: Skifiya-print; 2021, pp. 472–478.
10. Khozhaev D. *Zhivaya pamyat: O zhertvakh stalinskikh repressiy* [Living memory: About the victims of Stalin's repressions]. Grozny: Kniga; 1991, 88 p.
11. Zemskov, V. N. Spetsposelentsy (po dokumentam NKVD-MVD SSSR) [Special settlers (according to the documents of the NKVD-MVD Ministry of Internal Affairs of the USSR)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1990, no. 11, pp. 3–17.
12. Ibragimov, Musa M. *Chechentsy: vyselenie, vyzhivanie, vozvrashchenie. (1944–1963 gg.)* [Chechens: eviction, survival, return. (1944–1963)]. Grozny: Groznenskiy Rabochiy; 2015, 272 p.
13. Ibragimov, Musa M., Zhemchuraeva, S. Sh., Ibragimova, E. M. Osobennosti proyavleniya tolerantnogo soznaniya i povedeniya studencheskoj molodezhi Chechni v protsessе mezhlchnostnykh otnosheniy [Features of the manifestation of tolerant consciousness and behavior of Chechen students in the process of interpersonal relations]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and problems of political research]. 2017, vol. 6, no. 4A, pp. 214–224.
14. Kozlov, A. I. *Stalin: Borba za vlast* [Stalin: The Struggle for Power]. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don University; 1991, 412 p.
15. *Komsomolskoe plemya* [Komsomol tribe]. 1990, May 31.
16. Lidzhi-Goryaeva, S. E., Okonov, B. A., Chemidova, L. S., Spiridonova, L. Yu., Unkurov, E. Yu., Khashaeva, A. B. Naselenie Respubliki o deportatsii kalmykov 1943–1956 godov [The population of the Republic on the deportation of Kalmyks 1943–1956]. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy* [Bulletin of the Institute of Complex Studies of Arid Territories]. 2013, no. 2 (27), pp. 33–48.
17. Mankiev, A. A., Ibragimov, M. M., Zhemchuraeva, S. Sh. Chechenskiy tayp v istoricheskom proshlom i soznanii sovremennoy studencheskoj molodezhi [Chechen type in the historical past and consciousness of modern student youth]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. 2013, no. 3 (20), pp. 98–104.
18. Mankiev, A. A. Deportatsiya chechenskogo naroda v 1944 godu: prestuplenie stalinskogo rezhima [Deportation of the Chechen people in 1944: the crime of the Stalinist regime]. *Narody Chechenskoj Respubliki v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 godov* [Peoples of the Chechen Republic in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Grozny: ASCHR; 2010, pp. 404–414.
19. Nekrich, A. *Nakazannyye narody* [Punished peoples]. New York: Chronika; 1978, 173 p.
20. Pain, E. A. *Vozvrashchenie (o repatriatsii deportirovannykh narodov)* [Return (on the repatriation of deported peoples)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1990, no. 12, pp. 59–66.
21. *Rossiyskiy gumanitarnyy entsiklopedicheskiy slovar: v 3 tomakh* [Russian Humanitarian Encyclopedic Dictionary: in 3 vol.]. Moscow: VLADOS; 2002.
22. Sidorenko, V. P. Dlya vyseleniya chechencev i ingushey napravit chasti NKVD [To send NKVD units to evict Chechens and Ingush]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. 2000, no. 3, pp. 66–81.
23. Sikevich, Z. Etnicheskaya identichnost russkikh i chechentsev v kontekste istoricheskoy pamyati (Svravnitelnyy analiz) [Ethnic identity of Russians and Chechens in the context of historical memory (Comparative analysis)]. *Vlast* [Power], 2017, no. 2, pp. 122–129.
24. Solovev V. S. Russkaya ideya [Russian idea]. A. F. *Zamaleev et al. Rossiya glazami russkogo: Chaadaev, Leontev, Solovev* [Russia through the eyes of a Russian: Chaadaev, Leontev, Solovyov]. St. Petersburg: Nauka; 1991, 363 p.
25. Sorokin, P. A. *Sotsiokulturnaya dinamika. Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Socio-cultural dynamics. Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat; 1992, 543 p.
26. Available at: <https://chechenstat.gks.ru/folder/38713> (accessed: 15.03.2021).

Информация об авторах

Жемчуреева С. Ш. – кандидат социологических наук;
Ибрагимов Муса М. – доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors

Zhemchuraeva S. Sh. – Candidate of Sociological Sciences;
Ibragimov Musa M. – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Вклад авторов

Жемчуреева С. Ш. – разработка концепции исследования и его методологии, подготовка и проведение анкетирования, обработка и анализ данных, подготовка исходного текста, итоговые выводы;
Ибрагимов Муса М. – участие в разработке концепции исследования, историографический анализ, обработка и анализ данных, доработка текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Zhemchuraeva S. S. – development of the research concept and its methodology, preparation and conduct of questionnaires, data processing and analysis, preparation of the source text, final conclusions;
Ibragimov Musa M. – participation in the development of the research concept, historiographical analysis, data processing and analysis, revision of the text, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 30.09.2022.

The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 30.09.2022.